

ВРЕМЯ И ВѢЧНОСТЬ ¹⁾.

Когда въ новогоднюю ночь бьетъ полуночный часъ, тогда мы, хотя и воспринимаемъ своимъ внѣшнимъ слухомъ все тотъ-же, хорошо знакомый намъ, однотонный бой часовъ, но слухомъ внутреннимъ думаемъ слышать нѣчто иное, нѣчто безмѣрно болѣе значительное и важное. Намъ кажется, будто мгновение, отдѣляющее новый годъ отъ стараго, остановилось, будто время замедлило свое теченіе и прошлое такъ близко подошло къ будущему, что въ немъ безъ труда можно вычитать намеки и указанія на это, болѣзненно интересующее насъ, будущее. По крайней мѣрѣ, намъ хотѣлось-бы этого. И вотъ мы *задаемъ* о будущемъ...

Тѣмъ напряженнѣе и живѣе подобныя настроенія сказываются на рубежѣ двухъ столѣтій. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь уже не по годамъ годъ, но по вѣкамъ вѣкъ хотѣлось бы намъ предугадать теперь. Уже не личная судьба наша интересуетъ насъ, но судьбы всего человѣчества. Намъ хотѣлось бы стать, такъ сказать, *надъ* вѣками и взглянуть на временное съ точки зрѣнія вѣчности. Только самые безнадежные рабы обыденной дѣловой сутолоки, только подневольные хроникеры и регистраторы всѣдневныхъ интересовъ и злобъ дня не поддаются подъ власть этого настроенія. Но вниманіе и интересы большинства,—не только людей интеллигентныхъ, выразителей идей и представителей науки, но и рядовыхъ строителей жизни,—въ такіе крупные моменты замѣтно отливаются въ область высшихъ вопросовъ, связан-

¹⁾ Речь, произнесенная на торжественномъ собраніи Московской Духовной Академіи 1-го Октября текущаго года.

ныхъ съ мыслию о вѣчности. Такъ бывало всегда. Такъ есть и теперь. И если присмотрѣться къ теченію современной жизни, то нельзя этого не замѣтить: кажется, будто неустанная дѣловая сутолка дѣловаго вѣка замедлилась и даже совсѣмъ приостановилась, будто грохотъ исполненскихъ машинъ замолкъ, чтобы, хоть въ этотъ рѣдкій моментъ, дать человѣку досугъ подумать о времени и вѣчности.

Среди такихъ настроеній, о чемъ всего умѣстнѣе и своевременнѣе говорить представителю философской науки въ настоящемъ собраніи, какъ не о времени и вѣчности? Самое время, такъ сказать, требуетъ, съ его стороны, къ себѣ вниманія и, такъ какъ оно не есть ни первое, ни окончательное, то, въ свою очередь, само оно невольно ставитъ предъ сознаніемъ, какъ великій знакъ вопроса, мысль о вѣчности. Вотъ, мм. гг., основанія, почему для настоящей ученой бесѣды я избралъ именно вопросъ о времени и вѣчности.

Однако, этотъ предметъ настолько сложенъ, что, еслибы я захотѣлъ раскрыть его съ возможною полнотою, то мнѣ пришлось бы очень злоупотреблять вашимъ временемъ и, можетъ быть, возбудить опасеніе какъ бы рѣчь моя не продолжилась въ вѣчность. Въ виду этого мнѣ по необходимости приходится ограничиться лишь самыми общими ображеніями изъ области поставленной темы.

1.

Что такое время?

Время: какое двусмысленное слово! Какъ оно намъ знакомо и вмѣстѣ незнакомо. Какъ часто мы его употребляемъ и какъ рѣдко выступаетъ предъ нашимъ сознаніемъ въ ясной формѣ его подлинный смыслъ. „Я знаю, что такое время“, говорилъ бл. Августинъ, и безъ преувеличенія и лести можно сказать, что всѣ вы, мм. гг., въ этомъ отношеніи совершенно подобны знаменитому отцу западной церкви. Но онъ-же сдѣлать къ своему заявленію характерную добавку, тѣмъ болѣе обязательную для всѣхъ насъ: „знаю, пока не спрашиваютъ, а когда спрашиваютъ, прихожу въ недоумѣніе и не знаю, что отвѣчать“. Ибо одно дѣло знать предметъ знаніемъ непосредственнымъ и совсѣмъ другое—пложить его въ формѣ

отчетливаго философскаго понятія. Здѣсь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, нельзя обойтись безъ помощи философіи.

Что же говоритъ философія?

Въ отношеніи къ вопросу о времени, какъ и въ отношеніи къ другимъ своимъ вопросамъ, она прежде всего предостерегаетъ отъ ложныхъ мнѣній. *Блюдитесь отъ идоловъ!*—вотъ ея первое напоминаніе. Ибо въ сферѣ философіи, точно такъ же, какъ и въ области вѣры есть свои идолы и свое идолослуженіе. Идолами здѣсь являются призраки мысли,—то пластичныя, яркіе и обаятельныя, какъ созданія прихотливой фантазіи, то угрюмыя, безжизненные и сухіе, какъ схемы отвлеченнаго разсудка. Въ частности, пересматривая исторію понятія о времени, мы находимъ, что оно сплошь заставлено и загромождено именно такими идолами не критической мысли.

И прежде всего, понятіе времени, именно влѣдствіе крайней растяжимости, подвижности и даже неуловимости его содержанія, всегда служило предметомъ олицетворяющей и драматизирующей фантазіи. И какое здѣсь разнообразіе! Какимъ властнымъ, непобѣдимо могущественнымъ, и въ какихъ разнообразныхъ отношеніяхъ къ жизни является въ общечеловѣческомъ сознаніи олицетворенное и драматизированное фантазією время! Оно есть вмѣстѣ и общій прародитель боговъ, міровъ, людей и—безжалостный Кроносъ, истребляющій своихъ собственныхъ дѣтей. Оно колыбель и могила. Оно суровый потокъ, всевластно увлекающій въ могилу; но оно же и чудодѣйственный врачъ, цѣлящій всякіе недуги. Оно другъ истины, прогоняющій мракъ заблужденій; но оно-же и пособникъ лжи, вкореняющій ее силою привычки. Оно метатель свѣта, пробный камень любви, привязанностей и дружбы. Оно судья и смиритель гордыхъ. Оно утѣшитель угнетенныхъ. Оно вообще всемогущая власть или, -- какъ предпочитаютъ говорить теперь, когда признается лишь одна реальная власть,—время деньги!...

Вообще, сколько отдѣльныхъ эпохъ и историческихъ настроеній, столько и образовъ, которыми фантазія одѣвала блѣдную идею времени. И каждая эпоха выбирала свой образъ, соотвѣтствующій ея характеру. Такъ, люди нашей эпохи уже не удовлетворяются традиціоннымъ представленіемъ времени въ видѣ древняго старца, но предпочитаютъ другіе образы:

Зачѣмъ до сей поры тебя изображаютъ
 Съ сѣдыми прядями на сморщенныхъ вискахъ,
 Тогда какъ у тебя на юныхъ раменахъ
 Лишь только крылья отрастаютъ?
 О время, гвѣстунъ нашъ! — На слабыхъ помочахъ
 Ты къ истинѣ ведешь людей слѣпое племя
 И въ бездну вѣчности роняешь ихъ, какъ бремя,
 И бремя новое выносишь на плечахъ.
 Счастливый грекъ тебя, какъ смерти, ужасался,
 Онъ въ руки далъ тебѣ песочные часы,
 Косой вооружилъ и въ страхъ повергался
 Предъ лезвиемъ твоей сверкающей косы.

А мы, среди своихъ попытокъ и усилій,
 Склонивъ передъ тобой безславное чело,
 Твердимъ: когда-нибудь, авось, погибнетъ зло
 Отъ вѣянья твоихъ неслышно мощныхъ крылій.
 Лети скорбій, крылатое, скорбій!
 Намъ въ душу новыми надеждами повѣй!
 Иль ужъ губи всѣхъ тѣхъ, которымъ ты пророчишь
 Одинъ безплодный путь, и дѣлай все, что хочешь.
 Скорбій мое чело морщинами изрой
 И вывѣтри скорбій съ лица румянецъ мой
 И обреки меня холодному забвенью...
 Что за бѣда! Другому поколѣнью
 Ты наши лучшія надежды передашь,
 Твердя ему въ урокъ удѣлъ печальный нашъ...

Такъ поэтизируетъ человѣческая фантазія на мотивъ времени. Если бы собрать воедино всѣ образы и символы, которыми она одѣваетъ блѣдную идею времени, то оказалось бы, что нѣтъ почти ни одного конкретного представленія, которое-бы на нее не переносилось. Можно безъ преувеличенія сказать, поэтому, что для олицетворяющей и драматизирующей фантазіи *время есть все*.

Перейдемъ къ другой категоріи мысленныхъ „идоловъ“, заслоняющихъ отъ насъ понятіе о времени. Здѣсь мы имѣемъ дѣло уже не съ наивнымъ ланетомъ усыпляющей требовательную мысль фантазіи, но съ тонкою диалектикою отвлеченной мысли, которая кажется тѣмъ неотразимѣе, чѣмъ сознательнѣе и радикальнѣе ставитъ она свои вопросы. Все, что

существуетъ, — говоритъ діалектикъ, — есть или субстанція (существо, дѣятель) или дѣятельность, или продуктъ ея. Итакъ, если время существуетъ дѣйствительно, то оно должно быть или субстанціею, или дѣятельностію, или продуктомъ. Но есть ли время субстанція, то-есть существо или дѣятель? Очевидно, нѣтъ: время можетъ считать живымъ и дѣятельнымъ существомъ только совершенно наивный человѣкъ, живущій въ мірѣ грезъ и фантазій. Но можетъ быть, время есть чья либо дѣятельность, или ея результатъ? Такъ же нѣтъ: ибо, какому дѣятелю и въ какомъ смыслѣ можно усвоить время, какъ дѣятельность или ея продуктъ? Мы были бы крайне затруднены, если бы отъ насъ потребовали на этотъ вопросъ точнаго отвѣта. Итакъ,—говоритъ діалектикъ,—время не существуетъ ни какъ реальность, ни какъ свойство или дѣйствіе ея. Съ другой стороны, — продолжаетъ онъ,—какъ бы кто ни опредѣлялъ время, во всякомъ случаѣ всѣ согласны въ томъ, что оно складывается изъ прошедшаго, настоящаго и будущаго. Но что такое прошедшее? Существуетъ ли оно? Очевидно, нѣтъ, потому именно оно и есть прошедшее. Что такое настоящее? Это есть не что иное, какъ рубежъ между прошедшимъ и будущимъ, чисто идеальная, то-есть только воображаемая, грань между ними,—какъ точка есть идеальная грань между линиями. Тѣмъ болѣе, наконецъ, нѣтъ въ дѣйствительности будущаго: оно *будетъ*, слѣдовательно, его еще *нѣтъ*. Но если такъ, то что-же такое, въ концѣ концовъ, время и гдѣ оно? Если его нѣтъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ, — то ясно, что его вообще нѣтъ. Итакъ, съ точки зрѣнія діалектики, время есть *чистое ничто* ²⁾.

Такимъ образомъ, если мнѣотворящая и поэтизирующая фантазія готова видѣть во времени все, то разлагающая діалектическая мысль не способна видѣть въ немъ ничего. И покинувъ почву непосредственнаго сознанія, ради болѣе глубокаго, философскаго разъясненія понятія о времени, мы, повидимому, осуждены на безвыходное колебаніе между этимъ *все* и *ничто*.

²⁾ Діалектическіе аргументы противъ реальности времени всего ярче выставлены и сгруппированы у проф. А. А. Козлова: „Свое Слово“, выпускъ 3-й.

Къ счастью, это не такъ. Мы не должны забывать, что предъ нами лишь мысленные идолы, которые, хотя и могутъ иногда заслонять отъ нашихъ взоровъ дѣйствительную природу времени, но сами совсѣмъ не способны устоять предъ свѣтомъ отчетливой критической мысли.

И прежде всего, совершенно очевидно, что, если въ тѣхъ образахъ и символахъ, которыми фантазія одѣваетъ идею времени, и есть какая-либо истина, то развѣ лишь истина поэтическая,—истина субъективнаго настроенія. Ляцарусъ³⁾ справедливо говоритъ, что здѣсь предъ нами тотъ же психологическій процессъ, которымъ создавались мифы. Недостатокъ наблюдений, поспѣшность обобщенія, невольная потребность въ олицетвореніяхъ, стремленіе скорѣе видѣть осуществленнымъ желаемое, -- вотъ психологическіе факторы, заставляющіе превращать поводы думать о времени въ основанія усвоить ему извѣстныя свойства до личной, божественной или человѣческой, жизни включительно. Ошибка мысли здѣсь ясна и прозрачна. Ибо ужъ конечно, наприм., не время старитъ человѣка, не время затягиваетъ его душевныя раны и т. д., но тѣ силы, — физическія или душевныя, -- которыя дѣйствуютъ въ условіяхъ времени. Предъ

³⁾ *Lazarus: Zeit und Weile* (помѣщена въ его: *Ideale Fragen*, Ss. 181—260) разъясняя этотъ вопросъ, между прочимъ, пишетъ: Die Vorstellung, die wir alle mehr oder minder deutlich von der Zeit haben, die Begriffe, die wir in ererbtem oder neu wiederholtem Denken von ihr bilden, die als strahlende oder räthselvolle Bilder zugleich vor unserer Seele stehen, die Anschauungen, in welchen die grossen Denker und die einfachsten Gemüther sich begegnen, um die Zeit als eine gewaltig wirkende Kraft aufzufassen.— *alle diese Gebilde des Geistes*, sage ich, in denen das Wesen der Zeit ausgeprägt ist, *sind mythologische Vorstellungen*. Unsere Auffassung von der Zeit ist in psychologischer Beziehung, sowohl nach ihrem Inhalt, wie nach der Weise ihrer Bildung ganz so geartet, wie mythologische Vorstellungen geartet sind Aus mangelhafter Beobachtung entstanden, durch das Zwischenschieben von Apperceptionen anstatt wirklicher Wahrnehmungen bereichert, wird die Vorstellung der Zeit, einmal— und mit Recht—zunächst als ein besonderer und selbständiger Denkinhalt erfasst, zur Vorstellung eines besonderen und selbständigen Wesens umgebildet. Die wirklich gegebenen Anlässe oder Antriebe, die Vorstellungen der Zeit zu denken, werden sodann zu Ursachen ihr Eigenschaften und Kräfte beizulegen, d. h. in Wahrheit anzudichten. Die gewöhnliche Anschauung geht immer dahin, der Zeit allerlei Kräfte zuzuschreiben, ganz besonders, als ob die Zeit vorzugsweise eine zerstörende Kraft sei.

этими силами человекъ трепещетъ, на нихъ возлагаетъ надежды и уже съ нихъ, рядомъ психологическихъ подмѣнъ, неизбежныхъ у людей, стоящихъ подъ властію односторонне развитой фантазіи, переноситъ эти свойства на время. Это, повторяемъ, совершенная мнѣологія въ сферѣ общей мысли. И, конечно, всякій, кто способенъ встать вѣ власти фантазіи, тотчасъ-же подмѣтитъ этотъ источникъ ея невинной софистики и перестанетъ отождествлять время съ тѣми силами, которыя дѣйствуютъ въ его условіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь никто, наприм., не станетъ, конечно, уплачивать свой долгъ, вмѣсто наличныхъ денегъ, календарнымъ временемъ, хотя всѣ мы и постоянно повторяемъ что „время—деньги“.

Диалектикъ ясно видитъ эту ошибку людей, живущихъ фантазією, и въ этомъ отношеніи правда всецѣло на его сторонѣ. Къ сожалѣнію, въ своемъ разрушительномъ стремленіи, онъ идетъ гораздо дальше, чѣмъ требуетъ существо дѣла. Пусть время дѣйствительно не есть ни субстанція, ни дѣятельность, ни ея продуктъ. Но вѣдь этимъ еще не исчерпывается область существующаго. Время можетъ быть, напримѣръ, *формой* существованія субстанціи. И оно дѣйствительно есть это. Именно, съ объективной стороны, по общепринятому опредѣленію ⁴⁾ *время есть форма или, точнѣе,*

4) Эта формула опредѣленія объективнаго времени, въ различныхъ вариацияхъ, встрѣчается весьма часто въ философскихъ сочиненіяхъ. Наиболее раздѣльное ея выраженіе мы находимъ у того-же Ляцаруса (Ibid., 197): *Zeit,—ишетъ Ляцарусъ,—ist das Verhältniss der Abfolge alles Geschehens, oder das Verhältniss des Vor—, Neben—und Nacheinanderseins aller Ereignisse, Wirkungen, Erlebnisse und Veränderungen der wirkenden Wesen. Sie ist kein Wesen, sondern ein Verhältniss in der Erscheinung und Bewegung und Wirkung der Wesen; sie ist keine Kraft, aber eine Ordnung der Kräfte; sie ist kein Process, aber die Reihenfolge aller Prozesse. Zeit fügt zur Kraftäusserung und Wirksamkeit der Dinge Nichts hinzu und nimmt nichts davon. Dies Verhältniss der Ereignisse aber, diese Ordnung und Abfolge der Thätigkeit aller Dinge, ist ein objectives, wirkliches, thatsächlich gegebenes Verhältniss.—Къ той-же, въ сущности, формулѣ склоняется у насъ проф. П. М. Лоцагинъ, хотя онъ стоитъ на иной точкѣ зрѣнія,—на точкѣ зрѣнія не психологической, какъ Ляцарусъ, но строго метафизической. „Время“,—по его формулѣ,— „есть аналитически-необходимая форма дѣятельности каждой конечной субстанціи и взаимодѣйствія таковыхъ субстанцій между собою. Оно не воображается и не кажется только,—оно есть объективный законъ явленій всего конечнаго“ (Положительныя задачи фило-*

порядокъ слѣдованія внѣшнихъ явленій (процессы), а со стороны субъективной онъ есть форма или порядокъ слѣдныя явленій внутреннихъ, отражающихъ внѣшнія⁵⁾, или, какъ предпочитаютъ говорить другіе, время, съ субъективной стороны, есть русло, по которому въ нашей душѣ текутъ событія и факты, совершающіеся въ пространство⁶⁾. Итакъ, вопреки заявленіямъ и увѣреніямъ представителей діалектики, время есть нѣчто реально существующее. Съ другой стороны, пусть нѣтъ прошедшаго, пусть нѣтъ и будущаго. Но настоящее во всякомъ случаѣ есть. И существуетъ оно не какъ неуловимый идеальный рубежъ между двумя несуществованіями, но какъ положительная величина, имѣющая совершенно опредѣленную длительность,—какъ реальная величина, идеально вмѣщающая въ себя прошлое и будущее. Можно сказать больше: реально существуетъ только настоящее и само время есть не что иное, какъ передающее себя изъ момента въ моментъ, вѣчно возраждающееся настоящее. И это настоящее, по выразительному сравненію одного психолога, „не есть ни молнія, ни остріе пожа,—оно есть обсерваторія, находясь на которой, мы созерцаемъ прошлое и будущее“⁷⁾.

Какъ видимъ, только что изложенное опредѣленіе времени благополучно проходитъ между обѣими, указанными выше, крайностями,—между фапстическимъ олицетвореніемъ и драматизированіемъ времени, съ одной стороны, и діалектическимъ разрѣшеніемъ его въ ничто, съ другой. Вотъ по-

софій, Ч. II, стр. 308). „Время“—пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ (305—6),—„становится формой процессовъ, совершающихся въ субстанціи и въ этомъ заключается его относительная реальность“.

⁵⁾ На этой точкѣ зрѣнія стоялъ у насъ покойный проф. П. Я. Гроувъ. Въ своемъ глубоко задуманномъ этюдѣ: *О времени* (*Вопросы философіи и психологій*, кн. 23—25) онъ, между прочимъ, пишетъ: „Свободнымъ актомъ хотѣнія мыслить мы полагаемъ время, ибо создаемъ въ себя рядъ явленій, ощущеній и представленій чувственнаго порядка, которыхъ иначе не было бы. Свобода и есть способность духа *созидать явленія*—и внутреннія и внѣшнія, а чрезъ это созиданіе явленій -- созидать время, которое есть форма слѣдныя явленій“ (кн. 23, стр. 278).

⁶⁾ „*Русло Времени*“—пишетъ проф. Челпановъ (*Вопросы философіи и Психологій*, кн. 19, стр. 54), — „въ нашей душѣ и по этому руслу текутъ событія, факты, совершающіеся въ пространство“.

⁷⁾ *Челпановъ*, *ibid*, стр. 46.

чему подъ этимъ опредѣленіемъ времени безъ оговорокъ и ограниченій подпшутся, вѣроятно, всѣ представители такъ называемаго непосредственнаго здраваго смысла, а съ нѣкоторыми незначительными ограниченіями, — вѣроятно, большинство представителей философіи. Однако, болѣе глубокий анализъ не позволяетъ остановиться на такомъ пониманіи и опредѣленіи времени, какъ окончательно: подъ приведенными формулами таятся и уже слышатся иныя, которыя, хотя и не упраздняютъ этихъ, но, будучи изложены въ раскрытой формѣ, способны вложить въ нихъ другой смыслъ.

II.

Вопросъ объ измѣреніи времени.

На приведенномъ опредѣленіи времени не дастъ успокоиться вопросъ о мѣрѣ времени. Если время, какъ мы только что сказали, есть непрерывно переходящее изъ момента въ моментъ *настоящее*, если, говоря иначе, оно слагается, какъ изъ своихъ единицъ, именно изъ этихъ моментовъ настоящаго, то ясно, что, для его точнаго измѣренія, необходимо прежде всего установить мѣру именно этой единицы времени. Существуетъ ли такая мѣра? Повидимому, да. Вѣдь мы измѣряемъ время минутами, часами, днями и т. д., причемъ самыя эти мѣры въ свою очередь измѣряются строго опредѣленными циклическими движеніями земли вокругъ солнца и своей оси. Однако, не слѣдуетъ терять изъ виду, что сами эти, такъ называемыя объективныя, мѣры въ свою очередь, измѣряются субъективными (вслѣдствіе чего одни и тѣ же дни и часы, какъ извѣстно, для однихъ людей проходятъ медленнѣе, для другихъ быстрѣе). Иско, что если мы хотимъ взять вопросъ о мѣрѣ времени въ его болѣе глубокомъ, истинно философскомъ смыслѣ, то не должны ограничиваться ссылками на такъ называемое объективное или астрономическое время, но должны найти мѣру времени абсолютную, которая бы исключала возможность произвольно личныхъ оцѣнокъ времени. Но есть ли возможность установить такую неизмѣнно-постоянную мѣру времени, найти его абсолютную единицу?

Повидимому, есть. По крайней мѣрѣ, въ средѣ представителей такъ называемой *психометріи*, — одной изъ очень важ-

ныхъ отраслей современной психо-физиологій,—нѣтъ недостатка въ попыткахъ найти такую мѣру. Частные приемы изслѣдованія и результаты здѣсь, правда, очень разнообразны. Но исходная точка и научный принципъ въ сущности у всѣхъ изслѣдователей одинъ и тотъ же. Всѣ они исходятъ изъ того предположенія, что каждый элементарный актъ жизни человѣка, какъ психо-физиологическаго цѣлаго, — наприим., элементарное воспріятіе, — долженъ представлять опредѣленное и вполне законченное цѣлое, не допускающее дробленія на моменты и, потому, имѣющее строго опредѣленную длительность, свои неподвижно-устойчивые максимальныя и минимальныя предѣлы. Наприим., воспріятіе электрической искры, то-есть ея отлчненіе и выдѣленіе изъ ряда другихъ, непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ, при всемъ индивидуальномъ различіи воспринимающихъ людей, можетъ состояться лишь въ строго опредѣленный моментъ времени (въ опредѣленную долю секунды). Это,—говорятъ,—и есть единица времени, недѣлимое настоящее, которое, передаваясь изъ момента въ моментъ, образуетъ то, что мы называемъ временемъ.

Допустимъ. Но чтобы провѣрить этотъ взглядъ, проведемъ его до конца. Мы увидимъ тогда, что получается совершенно неожиданный результатъ.

Пусть элементарный психо-физиологическій актъ, какъ говорятъ представители психометріи, требуетъ для своего осуществленія строго опредѣленной и постоянной единицы времени. Но почему именно такой, а не иной? Это, очевидно, обусловлено общею нашею психофизическою организаціею: нашъ пульсъ бьется съ опредѣленною скоростью, вдыханія и выдыханія, тѣлодвиженія (шагъ, движеніе руки и проч.) такъ же, вся вообще наша жизнь имѣетъ свое опредѣленное *tempo* и свой ритмъ. Но будь темпъ нашей жизни и ея ритмическая пульсація иными, тогда, очевидно, и „единица времени“ измѣнилась бы. Мы стали бы тогда различать меньшіе моменты времени или, наоборотъ, перестали бы различать и тѣ, какіе различаемъ теперь. Наше время растянулось бы или, наоборотъ, сгустилось бы. Мы стали бы тогда различать въ движеніи міроваго процесса такія подробности, какихъ теперь не замѣчаемъ, или, наоборотъ, стали бы воспринимать въ крупныхъ массовыхъ чертахъ и то, что те-

перь воспринимаемъ детально. Отправляясь отъ этихъ соображеній извѣстный натуралистъ, Карль-Эрнстъ-фонъ-Бэръ, высказываетъ въ области нашего вопроса рядъ остроумныхъ и поучительныхъ соображеній.

„Предположимъ,—разсуждастъ онъ,—что жизнь человѣческая, обнимающая дѣтство, зрѣлый возрастъ и старчество, сведена на одинъ мѣсяць, и что пульсъ человѣка, поэтому, сталъ биться въ 1000 разъ скорѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Тогда его мысль дѣйствовала бы въ 1000 разъ скорѣе, чѣмъ теперь. Тогда онъ былъ бы въ состоянн воспринимать такія движенія, которыхъ теперь не въ состоянн воспринять, вслѣдствіе ихъ чрезмѣрной скорости. Будучи въ состоянн воспринимать въ тысячу разъ меньшіе промежутки пространства и времени, чѣмъ теперь, онъ [могъ бы тогда, напримѣръ, взоромъ прослѣдить летящую пулю. Положимъ далѣе, что жизнь человѣка доведена до 40 минутъ. Тогда травы и цвѣты казались бы намъ такими же неизмѣнными, какими кажутся теперь горы. О ростѣ развивающейся почки въ продолженіе этой жизни можно было бы тогда также мало узпать, какъ мало мы знаемъ о великихъ геологическихъ переворотахъ земнаго шара. Мы не были бы въ состоянн видѣть движенія животныхъ: они были бы слишкомъ медленны.—въ лучшемъ случаѣ, мы о нихъ заключали бы такъ, какъ это мы теперь дѣлаемъ по отношенію къ движенію небесныхъ свѣтилъ. Но допустимъ, наоборотъ, что жизнь человѣческая, вмѣсто того, чтобы сокращаться, стала бы удлиняться. Тогда получила бы опять совсѣмъ другая картина. Пусть, напримѣръ, пульсъ человека и его воспріятія замедляются въ тысячу разъ и пусть его жизнь продолжается 80,000 лѣтъ. Тогда мы въ теченіе одного года пережили бы столько, сколько теперь переживаемъ только въ теченіе восьми часовъ. Тогда въ теченіе 4 часовъ мы увидали бы, какъ земля покрывается снѣжнымъ саваномъ, а затѣмъ начинаетъ оттаивать, травы и цвѣты распускаются, деревья покрываются листвою и приносятъ плоды. Затѣмъ увидали бы, въ тотъ же промежутокъ времени, какъ вся эта растительность вновь увяла. День и ночь мѣнялись бы, какъ темныя и свѣтлыя мгновенія, и солнце съ быстротою метеора пролетало бы по небесному своду. Пусть жизнь человѣка замедлится еще въ тысячу разъ:

тогда различіе между днемъ и ночью совершенно уничтожилось бы, путь солнца казался бы блестящей дугой на небѣ, подобно тому, какъ вращающійся раскаленный уголь кажется огненнымъ кругомъ; растительность съ ужасающею бысгуротою безпрестанно распускалась бы и вновь погибала“⁸⁾...

Такъ гадаеть знаменитый натуралистъ. Конечно, все это фантазіи. Наша психофизическая организація такова, какова она есть, и, пока она остается именно такою, — а на перерожденіе ея нѣтъ надеждъ, — мы должны измѣрять свое время именно такъ, а не иначе. И однако эти фантазіи, съ извѣстной стороны и въ извѣстномъ отношеніи, весьма поучительны. Онѣ открываютъ намъ, по крайней мѣрѣ, *возможность* иныхъ временныхъ перспективъ, — съ иными единицами мѣры, независимыми отъ нашей психофизической организаціи, ея ритма и пульсаціи. И эта возможность не такъ далека отъ насъ, какъ иногда кажется. Она переходитъ въ дѣйствительность всякій разъ, когда связь духовнаго начала съ тѣлеснымъ въ насъ болѣе или менѣе значительно ослаблена.

Мы не говоримъ уже о снахъ и сновидѣніяхъ, когда пространственныя и временныя перспективы прихотливо перепутываются, когда, по выраженію поэта, „часы превращаются въ несчетные года“: это общезвѣстные факты. Не останавливаемся и на тѣхъ, болѣе или менѣе исключительныхъ, фактахъ, когда, — какъ, на примѣръ, въ минуты неожиданной и, повидимому, неотвратимой смерти, — человекъ, въ мигновеніе ока, переживаетъ цѣлыя эпохи, когда предъ его сознаніемъ съ бысгуротою молніи проносится вся его жизнь. Ограничимся лишь напоминаніемъ о тѣхъ болѣе или менѣе обыкновенныхъ и общезвѣстныхъ фактахъ, когда наше вниманіе безраздѣльно поглощено какимъ-нибудь однимъ собственнымъ душевнымъ настроеніемъ. Извѣстно, на примѣръ, что мы совсѣмъ не замѣчаемъ времени, когда погружены въ со-

⁸⁾ Резюме чрезвычайно интересныхъ взглядовъ академика Баера, съ подробными ссылками на его сочиненія, см. въ книгѣ *Remigius'a Stülze: „Karl Ernst von Baer und seine Weltanschauung“*. Regensburg 1897. Ss. 61—66 — Нами изложено, съ легкими измѣненіями, взято у проф. Челпанова (*ibid.*, стр. 50—51). — О различіи времени *субъективнаго* и *объективнаго* и о такъ называемой *субъективной оцѣнкѣ времени* см. тонкія разъясненія у *Лжцаруса*, *op. cit.* 221 folg.

зерцаніе произведеній искусства, поглощены неотступною и глубокою думою и т. д. Не менѣе извѣстно также и то, какъ напиримѣрь напрасное ожиданіе удлинняетъ время, какъ страхъ надвигающейся опасности, напротивъ, его ускоряетъ, какъ въ радостныхъ настроеніяхъ время „летитъ“, а въ скучныхъ и мрачныхъ „едва движется черепащими шагами“.

Сардапалъ у Байрона, предъ своимъ добровольнымъ восхожденіемъ на костеръ, прощаясь съ друзьями, говоритъ:

Не стапемте напрасно растравлять
Печаль свою въ минуту разставанья.
Прощаться должно быстро, даже если
Прощаются навѣкъ, иначе слезы
Способны превратить прощальный мигъ
Въ вѣка тяжелой муки, оросивши
Печалью весь остатокъ бѣдной жизни.

Или вотъ представляющая подобный-же психологическій интересъ жалоба Манфреда:

Я посядѣлъ до срока отъ страданья;
Какъ дерево, сраженное грозой
И вырванное съ корнемъ, я влачу
Свой жалкій вѣкъ, иное помня время...
Мое чело морщинами изрыто:
Но не годи... мгновенья струиной муки,
Мгновенья, что тянулись, какъ вѣчность
Родили ихъ...

На основаніи этихъ и подобныхъ фактовъ, психологи пытаются установить опредѣленный законъ зависимости единицы мѣры времени отъ тѣхъ или иныхъ душевныхъ настроеній. Согласія здѣсь,—какъ и во многихъ другихъ вопросахъ, входящихъ въ область нашей темы,—пока еще не достигнуто: одни придаютъ преимущественное значеніе количеству образовъ или представленій, проходящихъ чрезъ сознаніе, другіе, напротивъ, характеру и силѣ чувствованій⁹⁾. Но эти различія для насъ не имѣютъ существеннаго значе-

⁹⁾ На первой точкѣ зрѣнія стоятъ у насъ проф. Челпановъ (ор. cit., 41—2); на второй г. Н. Маринъ (Вопросы философіи и психологіи, кн. 27: „Вліяніе чувствованій на теченіе времени“). Гюйо („Происхожденіе идеи времени“) проходитъ среднимъ путемъ.—У г. Марина, въ концѣ его стюда, сдѣлана попытка формулировать законы измѣнчивости мѣры времени.

нія. Согласіе можетъ быть и, вѣроятно, будетъ достигнуто. Но выводъ, въ примѣненіи къ поставленному нами вопросу о мѣрѣ времени, во всякомъ случаѣ останется одинъ и тотъ же. Въ самомъ дѣлѣ, пусть существуетъ определенный законъ измѣчивости единицы времени, но именно онъ-то и доказываетъ, что единицы времени, какъ постоянной величины, въ той сферѣ измѣчивыхъ и подвижныхъ психофизиологическихъ фактовъ, въ которой ее постоянно ищутъ, совсѣмъ нѣтъ и быть не можетъ.

Итакъ, чтоже,—время совсѣмъ не имѣетъ *абсолютной* мѣры или эта мѣра все же существуетъ, но лежитъ въ иной области бытія?

III.

Вѣчность, какъ мѣра времени ¹⁰⁾.

Есть только одна неизмѣнно-постоянная, въ собственномъ смыслѣ *абсолютная*, мѣра времени: это — вѣчность. Какой,

¹⁰⁾ Третья глава, за недостаткомъ времени, была предложена вниманію собранія въ слѣдующей, сокращенной и отчасти упрощенной, формѣ:

Есть только одна неизмѣнно-постоянная, въ собственномъ смыслѣ *абсолютная*, мѣра времени: это—вѣчность.

„Вѣчность есть мѣра времени“: что это значитъ?

Это значитъ, во-первыхъ, что человѣкъ измѣряетъ *свое* время, въ условіяхъ и „по руслу“ котораго протекаетъ его *измѣчивая* внутренняя жизнь, тѣмъ, что есть въ немъ, *неизмѣняго*. А въ немъ есть это. Человѣкъ, какъ говорятъ философы, по природѣ есть существо *надвременное* и фактически одною своею стороною живетъ *надъ* *временемъ*. Во всѣ моменты своей жизни,—какъ бы долга или коротка она ни была, какими бы временными заставами и перегородками она ни была раздѣлена, — онъ ищетъ *одной* истины, борется за *одно* добро, жаждетъ *одного* неизмѣннаго высшаго счастья (если только вообще онъ живетъ сознательною жизнью). И вотъ, если утвердившись въ этой вѣчности, онъ взглянетъ на свое время, то оно окажется для него лишь *символомъ земной* *ослабѣть* *своихъ* *идеальныхъ* *содержаній*. И ясно, что время будетъ имѣть тѣмъ больше реальности и долготы, чѣмъ больше употреблено этихъ усилій. Вотъ почему хронологически долгая жизнь, съ этой точки зрѣнія, можетъ, по библейскому выраженію, свѣтаться въ одинъ моментъ (ибо намъ вѣдомы состоянія, въ которыхъ, по выраженію поэта, „сливается вѣчность и мигъ“) и, наоборотъ, хронологически сравнительно краткое время можетъ растянуться въ несчетные годы.

Тоже слѣдуетъ, во-вторыхъ, сказать и о томъ времени, въ условіяхъ котораго существуетъ *внѣшній* *мѣръ* и протекаетъ *мировой* процессъ. И

повидимому, парадоксъ! Какъ,—скажутъ,—можно измѣрять время вѣчностью?! Однако, это положеніе кажется парадоксомъ исключительно потому, что понятіе вѣчности въ нашемъ сознаніи опять таки заслонено призраками и идолами. Всего чаще мы представляемъ себѣ вѣчность, какъ неопредѣленную и темную, наполненную блѣдными силуэтами, тѣнями и схемами (Гётевскими „матерями“), сферу, лежащую

міръ по своей сущности, т. е. какъ онъ существуетъ въ мысли Божіей, стоитъ *надъ временемъ*, т. е. давъ разомъ во всѣхъ своихъ основаніяхъ, причинахъ и цѣляхъ. Если мы утвердимся на этой точкѣ зрѣнія, то увидимъ, что нашъ вѣдѣнный міръ есть не что иное, какъ *призма*, а мировой процессъ не что иное, какъ *перспектива*, въ которой какъ бы раздроблена для насъ мысль Божія, развертывается вѣ-временно-идеальное содержаніе міра,—перспектива, которую мы устанавливаемъ отчасти сами. Съ этой точки зрѣнія совсѣмъ не важно, сколько тысячелѣтій,—семь или седмижды семь,—существуетъ міръ: важно единственно то, насколько полно выразилось въ его исторіи, въ тотъ или другой моментъ, его вѣчное вѣвременно-идеальное содержаніе, ибо только это имѣетъ значеніе для истинной жизни человѣка.

Наконецъ, и въ общечеловѣческой исторіи также раскрывается нѣкоторое *надвременное* или *вѣчное* содержаніе. Смыслъ и значеніе исторіи определяются ея приближеніемъ къ вѣчнымъ идеаламъ или удаленіемъ отъ нихъ. И въ этомъ именно ея истинная мѣра. Вотъ почему,—именно въслѣдствіе крайней скудости осуществленнаго содержанія и проявленнаго смысла,—нѣкоторые историческіе періоды, обвиняющіе цѣлыя тысячелѣтія (какова, напримѣръ, вся китайская исторія), представляются въ истинной исторической перспективѣ весьма краткими и, наоборотъ, періоды, едва обвиняющіе одно столѣтіе, оказываются равнозначущими цѣлой вѣчности (такова эпоха вступленія въ міръ христіанства). Современное человѣчество утратило эту единственно-истинную мѣру времени и, потому, естественно жалуется (всего яснѣе устами Ницше) на „чрезмѣрность исторіи“,—на безцѣльное и безсмысленное нагроможденіе хронологическихъ датъ и фактовъ. Жалоба воистинѣ законная! Но противо-дѣйствовать чрезмѣрности исторіи можно, конечно, не тѣмъ средствомъ, которое рекомендуютъ Ницше и его послѣдователи,—не забвеніемъ исторіи, а примѣненіемъ къ ней ея истинной мѣры, то есть идеи вѣчности.

Итакъ, *время*, съ философской точки зрѣнія, *есть не что иное, какъ перспектива раскрывающейся предъ нашими взорами, въ исторіи и мировомъ процессѣ, вѣчности*, а съ другой стороны, — *символъ усилий, употребляемыхъ нами для того, чтобы войти своимъ знаніемъ, волею и чувствомъ въ область вѣчнаго или уйти и укрыться отъ него*. Философія не отрицаетъ реальности времени,—ураздвеніе реального времени совершится само собою и объ этомъ сейчасъ рѣчь,—но устанавливаетъ на него иную, болѣе глубокую, точку зрѣнія.

по ту сторону нашей яркой и свѣтлой земной дѣйствительности. Но такое пространственное представленіе вѣчности есть призракъ фантазіи, для котораго, хотя и можно найти объясненіе, но нельзя подыскать разумныхъ оправданій. Нерѣдко понимаютъ вѣчность, какъ безконечно растянутое время, какъ безкопечный рядъ моментовъ. Но это уже положительная бессмыслица: осуществленный безконечный рядъ моментовъ есть не что иное, какъ сосчитанная безчисленность, опредѣленная неопредѣленность, то-есть прямое противорѣчіе въ терминахъ. Нѣтъ. Все это бѣдныя, фальшивыя и безсильныя представленія вѣчности. Вѣчность, въ истинномъ смыслѣ, есть *надвременность* или *сверхвременность* и ничто другое.

Что это значить? Что мы разумѣемъ подъ именемъ бытія сверхвременнаго или надвременнаго?

Начнемъ съ самихъ себя ¹¹⁾. „Я есмь существо надвременное“: это значить, что во мнѣ есть нѣчто, остающееся безъ измѣненія „вѣки вѣчныя“, то-есть всегда, а не мѣсяцы или

¹¹⁾ Понятіе надвременности или сверхвременности души, въ послѣднее время, неоднократно разъяснялось въ монографіяхъ профессоръ: *Н. Я. Грота* („О времени“, *op. cit.*) и *Л. М. Лопатина* (въ дѣломъ рядѣ статей о природѣ души, напечатанныхъ на страницахъ *Вопросовъ философіи и психологіи*), а такъ-же и *Вл. С. Соловьева* („Первое начало теоретической философіи“ и др.,—тамъ-же). Зерно аргументаціи намѣчено проф. Лопатинымъ уже въ его *Положительныхъ задачахъ философіи* (т. II, стр. 304), гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Единство нашего я есть его *сверхвременность*: сознать время значить не подлежать его основнымъ отношеніямъ. *Быть* во времени (какъ существуютъ отдѣльныя явленія) равносильно тому, чтобъ не быть въ прошломъ и будущемъ, а имѣть реальность только въ неуловимый моментъ настоящаго. Но вѣдь *сознать* время, очевидно, означаетъ соотноситься и къ прошлому, и къ настоящему, и къ будущему, какъ къ реальнымъ данностямъ. Подъ какимъ естественнымъ условіемъ мыслимо такое отношеніе? Очевидно, для этого необходимо, чтобы время уже не было внутреннимъ безусловнымъ закономъ для сознающаго субъекта, чтобы оно не увлекало съ собою въ каждое мгновеніе всю его дѣйствительность и не замыкало его бытія всецѣло въ тѣсныя рамки настоящаго. Другими словами для этого нужно, чтобы наше сознающее существо не составляло исчезающаго звена во временномъ процессѣ, а стояло надъ нимъ, усматривало въ немъ нѣчто мимо идущее, нѣкоторый объектъ своего созерцанія. Именно въ этомъ заключается внутреннее тождество нашего я; и съ другой стороны, это свойство съ полнымъ основаніемъ можно опредѣлить, какъ *сверхвременность нашего сознающаго субъекта*“.

годы, столѣтія или тысячелѣтія. Это значитъ, далѣе, что въ человѣкѣ заложена неизмѣнная и вѣчно равная самой себѣ истина; что онъ всегда, при всѣхъ своихъ уклоненіяхъ, стремится къ одному и тому же, вѣчному и единому, добру; что онъ всегда желалъ бы пребывать въ состояніи неизмѣнной и чистой духовной радости. Вотъ въ человѣкѣ *вѣчное!* Но онъ есть существо надвременное или вѣчное и въ иѣ-которомъ другомъ смыслѣ. Въ своемъ настоящемъ онъ вмѣщаетъ и свое прошлое, и свое будущее, хотя ни прошлаго, ни будущаго, говоря строго, вѣдь нѣтъ,—*абсолютно нѣтъ*,—вмѣщаетъ первое воспоминаніемъ, второе предвареніемъ въ мысли, желаніи и надеждѣ.

Еслибы человѣкъ былъ существомъ совершеннымъ, духомъ безплотнымъ, то онъ жилъ бы „вѣчно въ вѣчности“: его желаніе истины совпадало бы съ ея достиженіемъ, безъ всякаго промежутка или временнаго разстоянія; его стремленіе къ добру осуществлялось бы безъ промедленія и борьбы; его настроеніе внутренняго довольства или блаженства оставалось бы вѣчно неизмѣннымъ и себѣ равнымъ. Но онъ не совершенство и не безплотный духъ. Его тѣло и вообще его несовершенство требуетъ съ его стороны усилій для познанія истины, для осуществленія добра, требуетъ непрестанной борьбы съ искушеніями. Онъ познаетъ истину лишь частично, одолеваетъ нравственное зло лишь постепенно и шагъ за шагомъ, вступаетъ въ обладаніе истиннымъ счастьемъ обыкновенно лишь послѣ горькихъ опытовъ разочарованія. Его истина, его добро и его счастье даны ему не вдругъ и всецѣло, но лишь по частямъ и раздробленно,—стоятъ предъ нимъ не лицомъ къ къ лицу, но какъ-бы въ перспективѣ. И вотъ *эта-то перспектива* и есть то, что мы называемъ *временемъ*.

*Время есть для насъ символъ усилій, употребляемыхъ нами для того, чтобы овладѣть своею идеальною сущностью, перевести ее въ эмпирическое содержаніе сознанія. Оно есть нами самимъ создаваемая, каждымъ по своему, перспектива или схема, „въ которой наше я понимаетъ, распредѣляетъ и соединяетъ свои собственные акты, воспоминанія, наличныя ощущенія и омыданія“*¹²⁾. Ясно при этомъ, что, чѣмъ далѣе отстоитъ

¹²⁾ Ср. формулу проф. А. А. Бузлова (Свое Слово, № 3-й, стр. 49): „Время, въ его субъективной стадіи развитія, есть форма, въ которой наше я

наша дѣйствительная жизнь отъ идеаловъ и нормъ, составляющихъ идеальную сущность нашей души, вѣчное въ ней, тѣмъ болѣе мы погружаемся во временное. И вотъ почему, тогда какъ человѣкъ, живущій глубокою и интенсивною внутреннею жизнью, всю энергію и страстность души своей сосредоточивающій въ устремленіи на идеальное содержаніе и смыслъ своей жизни, какъ бы выходитъ изъ времени, независимъ отъ него, живетъ буквально „въ времени“¹³,—для человѣка, погруженнаго въ жизнь внѣшнюю, увлеченнаго призрачнымъ и мишурнымъ счастьемъ, даже и сравнительно недолгое время средней человѣческой жизни дробится на безконечный рядъ моментовъ. Эти-то моменты, становясь другъ къ другу въ отношенія по категоріямъ: *прежде, послѣ, теперь*, и образуютъ перспективу времени,—тѣмъ болѣе длительнаго, чѣмъ больше человѣкъ удаленъ отъ нормы. Это именно мы и разумѣемъ, когда говоримъ, что „*минута времени есть вѣчность*“. Съ этой точки зрѣнія, и только съ этой, вполне понятно, какимъ образомъ иногда одна минута, отмѣченная высокимъ духовнымъ настроеніемъ, растягивается, въ нашемъ сознаніи и переживаніи ея, на долгіе годы и наоборотъ, цѣлые годы переживаются, какъ одно мгновеніе, такъ что иногда дѣйствительно въ нашемъ сознаніи „сливаются вѣчность и мигъ“.

Итакъ, по природѣ человѣкъ есть существо надвременное и фактически, по крайней мѣрѣ одною своею стороною, живетъ въ вѣчности. Если же другою своею стороною онъ подчиненъ условіямъ времени, то это потому, что чрезъ

понижаетъ, распространяетъ и соединяетъ въ своемъ субстанціальномъ единствѣ, свои собственные акты волеизъявленія, наличнаго ощущенія и ожиданія“. Проф. Козловъ стоитъ на иной точкѣ зрѣнія, сравнительно съ нами (на точкѣ зрѣнія такъ называемаго „павсихизма“). Но это не исключаетъ возможности согласія нашего пониманія субъективнаго времени съ его пониманіемъ.

¹³ Мысль о томъ, что человѣкъ и теперь, во время и въ условіяхъ земной жизни, можетъ жить иногда въ вѣчности есть, можно сказать, общечеловѣческое убѣжденіе, которое нашло свое конкретно-символическое выраженіе въ цѣломъ рядѣ сказаній (напр. объ арабскомъ калифѣ, который въ нѣсколько секундъ прожилъ цѣлую жизнь, индійскомъ царѣ, который не замѣчая прослушать множество лѣтъ цвѣтныя сладкозвучныхъ пѣвицъ и проч.). Все это, очевидно, символическое выраженіе *общеизвѣстнаго* психологическаго факта.

тѣло погруженъ во временное. Такимъ образомъ *время есть* для него не что иное, какъ перспективно-символическое изображеніе усилій и борьбы, направленныхъ на познаніе вѣчныхъ истины, добра и красоты, на преодоленіе заблужденій, неправдъ и призраковъ, которыми міръ, какъ бы покровомъ майи, застилаетъ отъ насъ вѣчное. Чѣмъ больше усилій и борьбы, тѣмъ длиннѣе время и наоборотъ. Долгота времени для человѣка опредѣляется не числомъ прожитыхъ дней, мѣсяцевъ или годовъ, но числомъ пережитыхъ въ эти дни, мѣсяцы и годы мыслей, начинаній и дѣлъ, такъ что времени нѣтъ совсѣмъ для того, кто живетъ въ вѣчности, интересами чистой истины, правды и красоты и—наоборотъ. Съ этой точки зрѣнія вышенаведенную формулу такъ называемаго субъективнаго времени мы можемъ видоизмѣнить такъ: *время есть перспективно-символическая форма, въ которой нами размыщаются обусловленные взаимодействіемъ со средою акты нашего утвержденія въ вѣчномъ или, наоборотъ, удаленія и какъ-бы исключенія изъ него.* Коррективомъ и мѣрою, здѣсь, какъ видимъ, является именно мысль о вѣчности.

Аналогичныя разсужденія приводятъ насъ къ соответствующему измѣненію и *объективной* формулы времени. И міръ, въ своей идеальной, умопостигаемой сущности, есть бытіе надвременное, или вѣчное, — есть система идеальныхъ цѣлей или типовъ, ищущихъ своего воплощенія въ системѣ, данныхъ въ полнотѣ и одновременно, причинъ, какъ средствъ для осуществленія этихъ цѣлей ¹⁴⁾. И для міра прошлаго нѣтъ,—совсѣмъ и абсолютно,—какъ нѣтъ и будущаго. И его прошлое существуетъ лишь въ настоящемъ, какъ рядъ скрытыхъ въ немъ моментовъ, обуславливающихъ характеръ настоящаго, точно такъ-же какъ его будущее существуетъ лишь въ настоящемъ въ скрытой (потенціальной) формѣ системы зародышей или потенцій, изъ которыхъ вырастаетъ будущее, такъ что и въ его настоящемъ совпадаютъ „вѣчность и мигъ“.

¹⁴⁾ Что міръ, въ своей идеальной или умопостигаемой сущности, есть бытіе надвременное, данное во всѣхъ своихъ моментахъ разомъ, это такъ-же есть общечеловѣческое убѣжденіе,—общечеловѣческое прозрѣніе истины, павшее между прочимъ свое символическое выраженіе въ смутномъ понятіи неумолимой и неотвратимой судьбы.

Если же надвременный, по своей идеальной сущности, міръ поставленъ въ условія времени или, говоря богословскимъ языкомъ, *сътворенъ*, если его внѣвременное идеальное содержаніе подпало міровому процессу: то это опять таки потому, что нашъ міръ не есть ни совершенство, ни чистое духовное бытіе. Съ одной стороны, существа, входящія въ составъ міра, вслѣдствіе своего несовершенства, могутъ восходить въ состояніе достигнутыхъ цѣлей, осуществленныхъ типовъ, составляющихъ ихъ идеальную сущность, полно отраженной гармоніи, не иначе, какъ путемъ медленнаго процесса, раскрывающагося во времени (эмпирическомъ времени), такъ что ихъ цѣль, то-есть равновѣсіе неизмѣнно-вѣчнаго существованія, можетъ быть достигнута лишь путемъ постепеннаго преодоленія идеальными началами міровой жизни противленія со стороны косныхъ міровыхъ стихій (это такъ называемый у философовъ міровой “эндосмосъ”¹⁵). Съ другой стороны, внѣременно-идеальный космосъ для несовершенныхъ и ограниченныхъ существъ, и прежде всего для человѣка (который связанъ съ міромъ *телеологически*, какъ съ своею необходимою средою и средствомъ духовнаго воспитанія), можетъ быть данъ не иначе, какъ рядъ моментовъ, представляющихъ общую временную перспективу, — чрезвычайно подвижную и условную (безусловную-же и неподвижную лишь въ томъ случаѣ, если мы будемъ разсматривать ее *sub quadam aeternitatis specie*).

Аміель, одинъ изъ глубокомысленнѣйшихъ людей нашей эпохи, у котораго при томъ, вслѣдствіе природной болѣзненности и старческаго упадка силъ, связь духа съ тѣломъ, а чрезъ него и съ міромъ, была ослаблена ровно настолько, чтобы иногда выступать изъ временной перспективы и разсматривать міръ и міровой процессъ именно *sub specie aeternitatis*, — написалъ въ своемъ дневникѣ, въ разъясненіе нашего вопроса, слѣдующія замѣчательныя строки:

„Время есть величайшая иллюзія. Она есть только внутренняя призма, черезъ которую мы разлагаемъ бытіе и жизнь, образъ, подъ которымъ мы постепенно видимъ то, что внѣременно въ идеѣ. Глазъ не видитъ сферу всю сразу, хотя

¹⁵) О міровомъ *эндосмосѣ* см. въ нашей книгѣ: *Очеркъ современной французской философіи*, стр. 78.

сфера существуетъ вся сразу. Нужно одно изъ двухъ: либо чтобы сфера вертѣлась передъ глазомъ, который смотритъ на нее, либо чтобы глазъ обошелъ вокругъ наблюдаемой имъ сферы. Въ первомъ случаѣ это мѣръ, развертывающійся во времени; во-второмъ случаѣ это наша мысль, анализирующая дѣйствительность и постепенно ее восстанавливающая. Для высшаго разума нѣтъ времени; что будетъ, то есть. Время и пространство—это размельченіе безконечнаго для пользованія имъ существами конечными... Мы превосходимъ природу, проникая далѣе ея удивительной фантазмагоріи до неизмѣннаго и вѣчнаго и уходя посредствомъ внутренняго экстаза отъ водоворота времени...“

И еще:

„Чистая мысль почти не нуждается во времени, потому что она почти одновременно видитъ оба конца идеи. Природа только съ трудомъ совершаетъ мысль планеты, но высшій разумъ совершаетъ ее въ одной точкѣ. Слѣдовательно, время есть послѣдовательное раздробленіе бытія, какъ слово есть послѣдовательный анализъ интуиціи или воли. Само по себѣ оно относительно и отрицательно и исчезаетъ въ абсолютномъ бытіи. Богъ внѣ времени, потому что Онъ мыслитъ одновременно всякую мысль; природа же во времени, потому что она только слово, дискурсивное развертываніе мысли, содержащейся въ безконечной мысли. Но природа истошчается въ этой невозможной задачѣ, потому что анализъ безконечнаго есть противорѣчіе... Природа дѣлаетъ, по крайней мѣрѣ, то, что она можетъ для того, чтобы передать богатства творческой формулы. Но тѣмъ безднамъ, которыя она открываетъ для того, чтобы охватить мысль, не достигая этого, можно судить о величинѣ Божественнаго разума“.

Вотъ яркія и полныя глубокой, истинно-философской, правды слова! Мѣръ дѣйствительно есть какъ-бы призма, которая разлагаетъ для насъ ослѣпительно яркіе лучи свѣта, исходящаго изъ области внѣвременно-идеальнаго, идеально-совершеннаго и гармонически-прекраснаго космоса. Вотъ почему, и мѣръ, міровой процессъ, и прежде всего, исторія человѣчества, измѣряются не годами и столѣтіями, но степенью приближенія къ конечнымъ цѣлямъ процесса, степенью осуществленія въ нихъ, въ ряду ступеней и формъ, вѣчнаго, степенью ихъ пригодности служить для человѣка

воспитывающею школою, словомъ вѣчностью. Съ этой точки зрѣнія, мы должны видоизмѣнить вышеприведенную формулу объективнаго времени такъ: *время есть перспективно-символическая форма, въ которой мы размѣщаемъ событія и факты мировой исторіи, то растягивая, то сжимая ихъ, соответственно ихъ отношенію къ конечнымъ цѣлямъ исторіи.* Ясно, что, при такомъ опредѣленіи, періоды исторіи хронологически, въ смыслѣ астрономическаго времени, равные могутъ то растягиваться, то сжиматься: смыслъ событій, значительность выраженнаго въ нихъ содержанія, съ точки зрѣнія вѣчности (радикальный поворотъ къ ней или отъ нея),— вотъ что здѣсь рѣшаетъ и служить мѣрою. И конечно, придетъ пора, когда человѣчество, уже и теперь (въ лицѣ, напримѣръ, Ницше) протестующее противъ „чрезмѣрности исторіи“, въ смыслѣ нагроможденія именъ и цифръ, научится прилагать къ исторіи ея истинную мѣрку, научится измѣрять время вѣчностью, степенью осуществленія въ эмпирической дѣйствительности ея идеальнаго содержанія и неизмѣнно-вѣчныхъ цѣлей.

Отсюда, отъ вѣвременно-идеальнаго въ человѣкѣ и мірѣ, одинъ шагъ, одно усиленіе мысли и мы приходимъ къ постиженію Вѣчнаго,—того Существа, Которое абсолютно и ни въ какомъ смыслѣ не зависить отъ времени, такъ какъ само его поставило, въ Которомъ утверждаются сверхвременно-идеальныя начала нашей и всей мировой жизни, Которое, по согласному выраженію богословія, философіи и даже поэзій, есть „во вѣки вѣковъ Настоящее“, въ Которомъ только, поэтому, человѣкъ и можетъ укрыться „отъ фантазмагорій времени“, ибо

Годамъ у Бога счета нѣтъ,
какъ нѣтъ имъ счета и въ сознаніи человѣка, имѣющаго
утвержденіе своей временной жизни въ вѣчности Божіей:

Что значить пять или десять лѣтъ,
Вся мѣра жизни, для того,
Кто, кромѣ Бога своего,
Не ищетъ въ мірѣ ничего?...

Итакъ, *время*, съ философской точки зрѣнія, *есть не что иное какъ перспектива раскрывающейся предъ нашими взорами, въ исторіи и мировомъ процессѣ, вѣчности, а съ другой стороны—символь усилій, употребляемыхъ нами для того, чтобы*

войти, своимъ знаніемъ, волею и чувствомъ, въ область вѣчнаго или, наоборотъ, уйти и укрыться отъ него. Философія не отрицаетъ реальности времени, — упраздненіе реального времени совершится само собою и объ этомъ у насъ сейчасъ будетъ рѣчь, — но устанавливаетъ на него точку, болѣе глубокую, точку зрѣнія.

IV.

Упраздненіе времени Вѣчностью.

Въ человѣкѣ всемірное тяготѣніе къ вѣчности уже и теперь, въ этой жизни, властно проявляется въ стремленіи создать себѣ настроеніе, стоящее внѣ временнаго потока, свить изъ лучей истины, добра и красоты какъ бы духовное гнѣздо, въ которомъ онъ могъ бы находить защиту и уединяться отъ невзгодъ и злобы жизни. Съ годами, по мѣрѣ утраты живыхъ интересовъ къ окружающей дѣйствительности, это стремленіе становится все болѣе и болѣе властнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ время все болѣе и болѣе суживается, какъ бы поглощаемое вѣчностью. Амшель, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда онъ бывалъ особенно воспримчивъ къ жизни своего духа въ вѣчности, написалъ:

„Категорія времени уже не существуетъ для моего сознанія и, вслѣдствіе этого, всѣ перегородки, которыя дѣлають изъ жизни дворецъ въ тысячу комнатъ, падаютъ; мои способности вновь возвращаются въ ту субстанцію, которую они индивидуализировали; это психологическое состояніе есть предвареніе смерти; оно изображаетъ жизнь загробную, возвращеніе къ тому, изъ чего я вышелъ или, скорѣе, укрощеніе личности, которая, откинувъ всѣ случайности, существуетъ уже только въ состояніи нераздѣльности: умереть это и значитъ возвратиться къ вѣчности“.

Вотъ именно! Умереть именно значитъ возвратиться къ вѣчности. Когда связь съ міромъ чрезъ тѣло будетъ уничтожена, тогда несомнѣнно кореннымъ образомъ измѣнятся и наши пространственно-временныя представленія и перспективы. Теперешнее трехмѣрное или зрительное пространство уступитъ тогда мѣсто другому, хотя и обезвѣчному, такъ сказать, — каково пространство у слѣпыхъ, или такъ называемое „осязательное“, — но за то болѣе пронцае-

тому, какъ бы болѣе прозрачному, открытому съ своей внутренней стороны. Равнымъ образомъ, и время „совьется“ тогда, по прекрасному библейскому выраженію, ибо оно будетъ измѣряться не годами, часами и днями, а именно вѣчностью. Не смотря на временныя разстоянія идеально сходное будетъ созерцаться вмѣстѣ, а различное по содержанию и смыслу, хотя бы оно было и смежно во времени, разступится и будетъ предстоять взору изолированно, какъ бы раздѣленное пропастью, чрезъ которую нѣтъ перехода. Конечно, составить логически ясное понятіе объ этомъ состояніи теперь очень трудно. Но религиозное и мистико-поэтическое прозрѣніе во всякомъ случаѣ ищетъ истины именно въ этомъ направленіи.

Вотъ, напримѣръ, одно, чрезвычайно яркое и философски вполне правдивое, выраженіе этого общечеловѣческаго прозрѣнія.

Когда нашъ прахъ оледенитъ
 Нѣмая смерть—куда свободный,
 Безмертвный духъ нашъ полетитъ,
 Оставивъ этотъ прахъ холодный?
 Планетъ-ли путь онъ избереть,
 Или съ пространствомъ слившись разомъ,
 Все во вселенной обойметъ
 Незримымъ, но всезрящимъ глазомъ?

Онъ, вѣчный, будетъ созерцать
 Что въ небѣ и въ землѣ творится
 И изъ забвенія вызывать—
 Что смутно въ памяти хранится.
 Малѣйшій слѣдъ былыхъ временъ,
 Промедшее съ грядущимъ рядомъ,
 Схватить способенъ будетъ онъ
 Однимъ широкимъ мысли взглядомъ;

Назадъ чрезъ хаосъ проникать
 До дней, какъ творческая сила
 Міры задумала создать
 И ящу землю населила:
 Впередъ онъ взоры устремитъ
 Туда, въ грядущее вселенной...

Пусть пламя солнца догоритъ,
Но духъ пребудеть, неизмѣнный.

Онъ будетъ мыслию летѣть
Надъ всѣмъ, чрезъ все, преградъ не зная,
Забывъ, что значить умереть
И вѣчно въ вѣчности витая...

Однако, это явленіе вѣчности покинувшему тѣло духу еще не будетъ окончательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ основанія думать, будто, покидая тѣло, душа окончательно порываетъ связь съ землею. Нѣтъ! Измѣнится лишь форма отношеній и связей, но ихъ существо и общій характеръ останутся тѣже, — особенно ихъ нравственный смыслъ. Воспоминаніями, своими духовными тяготѣніями, симпатіями и антипатіями, опасеніями и надеждами, душа и по смерти будетъ сначала жить въ этомъ мірѣ и, доколѣ онъ находится подъ властью времени, и она будетъ жить во времени. хотя время она уже будетъ разсматривать чрезъ призму вѣчности, — *sub quadam aeternitatis specie*, — какъ говорятъ философы. Полное же и всецѣлое откровеніе вѣчности для духа можетъ наступить лишь тогда, когда и для земли, для всего вообще міроваго процесса, по библейскому выраженію, „времени уже не будетъ“.

Но когда послѣдуетъ это окончательное и всеобщее упраздненіе времени и какъ, съ философской точки зрѣнія, его слѣдуетъ мыслить?

Говоря строго, этотъ вопросъ относится къ области религіозной и въ частности христіанской эсхатологіи. Но и съ философской точки зрѣнія можно дать на него, по крайней мѣрѣ, общій отвѣтъ, а именно такой: окончательное упраздненіе времени послѣдуетъ тогда, когда исполнится его мѣра и, такъ какъ мѣра времени, согласно нашимъ разъясненіямъ, есть вѣчность, то ясно, что время будетъ окончательно упразднено лишь тогда, когда во временномъ будетъ осуществлено вѣчное, или когда, напротивъ, временное окончательно разъединится съ вѣчнымъ. Судя по ходу и характеру міроваго процесса и, прежде всего, процесса человеческой исторіи, нельзя думать, чтобы временное, хотя бы когда-нибудь, всецѣло, во всемъ своемъ объемѣ осуществило свое вѣчное идеальное содержаніе, или, наоборотъ, чтобы

оно столь же всецѣло отступило отъ него и вступило съ нимъ (то-есть, въ сущности, само съ собою) въ противоборство. Нѣтъ, ходъ и характеръ міровой исторіи скорѣе заставляетъ думать, что въ концѣ времени послѣдуетъ расслоеніе и какъ бы раздѣленіе и разрывъ въ міровомъ бытіи. Для каждой стороны его равно наступитъ вѣчность, но—*своя*: для одной стороны состояніе равновѣсія и свободно достигаемой въ каждый моментъ цѣли; для другой—состояніе вѣчной агоніи, алски-мучительныхъ усилій уйти отъ вѣчности, то-есть отъ своей идеальной сущности, и безсиліе сдѣлать это.

Но какъ слѣдуетъ мыслить это, предварающее окончательное упраздненіе времени, вступленіе вѣчности во временное? Если время, какъ мы опредѣлили, выше, есть процессъ, измѣненіе, движеніе—то не будетъ ли вступленіе вѣчности и упраздненіе времени остановкой всякой жизни, всякаго движенія и процесса? Такъ нѣрѣдко думали и думаютъ люди, мысль которыхъ находится подъ тираннической властью воображенія. Имъ вѣчность представляется ужасною картиною всеобщаго омертвѣнія, застывшихъ позъ, недоконченныхъ движеній, недоговоренныхъ словъ, неосуществленныхъ желаній,—чѣмъ-то въ родѣ моментальнаго фотографическаго снимка, вырывающаго одинъ моментъ изъ координированнаго ряда движеній и увѣковѣчивающаго всю группу именно въ этомъ положеніи момента. Но такое представленіе есть представленіе ложное. Вѣчность отнюдь не исключаетъ движенія и жизни ¹⁶⁾. Въ нея понятіи мыслится (какъ мы уже ска-

¹⁶⁾ Понятіе вѣчности не исключаетъ процесса, движенія и жизни, но требуетъ всецѣлаго и безпромежуточнаго осуществленія его моментовъ въ замкнутомъ и на вѣки вѣчные опредѣленномъ единствѣ. „Процессъ здѣсь не отсутствуетъ; но самораскрытіе сущаго совершается тотчасъ же, какъ оно началось, и его отдѣльные моменты не исчезаютъ, но, напротивъ, въ своемъ взаимномъ отношеніи получаютъ законченную и полную дѣйствительность. Такая *совершенная нераздѣльность моментовъ бытія есть его вѣчность*. Именно такъ намъ приходится мыслить самораскрытіе безконечной основы вещей: самоосуществленіе абсолютной творческой силы зависитъ только отъ нея самой.—для него нѣтъ никакихъ внутреннихъ препонъ,—поэтому, его одинаково должно понимать и всегда совершающимся. Божественное самосознаніе, безспорно, есть процессъ, но,—если можно такъ выразиться,—этотъ процессъ реализуется съ абсолютною быстротою, такъ что послѣдовательное въ немъ необходимо обра-

зали выше), на вѣки вѣчныя неизмѣнная *опредѣленность* процесса,—неизмѣнность его смысла, содержанія, характера и направленія. Вѣчное вступить во временное и упразднить время, когда желаніе истины не будетъ отдѣлено отъ ея достиженія рядомъ усилій, символизируемыхъ нами въ моментахъ времени; когда свободное рѣшеніе доброй воли будетъ безъ борьбы и противоборства переходить въ осуществленіе; когда радость внутренняго довольства не будетъ превращаться въ скуку и пресыщеніе и т. д. Но и наоборотъ: когда желаніе лжи не будетъ отдѣлено отъ ея осуществленія; когда безъ борьбы будутъ осуществляться рѣшенія злой воли и т. д., — и въ этихъ случаяхъ вѣчность такъ-же вступить въ свои права. Здѣсь вѣчна будетъ агонія, невыразимая мука, порождаемая вѣчно возрождающимися и неизмѣнно тщетными усиліями уйти отъ единой истины, единого добра и единого чистаго блаженства. Страстная цѣпкость за время и временное, своимъ безсиліемъ и безсмысліемъ, будетъ непрестанно и неотступно напоминать о начавшейся уже власти надъ временнымъ вѣчнаго, которое вступило въ свои права подъ формою невыносимо мучительнаго, уже по самому своему однообразію, повторенія все тѣхъ же безсильныхъ попытокъ укрыться отъ вѣчнаго во временномъ, изменномъ, страдномъ и темномъ. Такъ именно, то-есть какъ вѣчно-неизмѣнное состояніе мучительной агоніи, и должно, съ философ-

щается во временное". *Логикъ*, цит. соч., стр. 307.—Для отчетливости понятія о вѣчности, слѣдуетъ, вмѣстѣ съ Н. Н. Страховымъ (*Русскій Вѣстникъ*, 1897 г., январь: „О времени, числѣ и пространствѣ“,—посмертное сочиненіе), различать *вѣчность созерцательную* и *вѣчность мыслительную*. Это,—говоритъ Страховъ (стр. 81),—„суть два различныя представленія. Одна есть всегдашнее *настоящее* и составляетъ какъ бы *остановку времени*; другая состоитъ изъ безконечнаго прошедшаго и безконечнаго будущаго, и представляетъ непрерывное и безпредѣльное *теченіе* времени“. Конечно, *только вѣчность созерцательная можетъ быть названа въ собственномъ смыслѣ вѣчностью*, ибо только она есть отричаніе времени. „Мы должны“—говоритъ Страховъ (80),—„представлять себѣ вѣчность именно не въ видѣ безграничнаго продолженія времени (что было бы не отричаніемъ времени, а его полнымъ утвержденіемъ), а въ видѣ *непродоливаго настоящаго*. Очевидно, мы тутъ стремимся выйти за предѣлы мышленія и можно сказать, что въ каждомъ созерцаніи мы оставляемъ область мыслимаго и соприкасаемся съ вѣчностью“.

ской точки зрѣнія, мыслить то, что на религіозномъ языкѣ извѣстно подъ названіемъ мученій адскихъ.

И когда совершится окончательное и всецѣлое обособленіе этихъ безповоротно-опредѣленныхъ противоположностей міровой жизни, тогда время, какъ далѣе уже безцѣльная хронологическая тавтологія (ибо вѣдь направленіе жизни впредь уже не можетъ быть измѣняемо), утратитъ свой смыслъ и будетъ упразднено Вѣчностью: „было время и нѣтъ его“.

Подведемъ итоги.

Я пытался, мм. гг., поставить предъ Вашимъ сознаніемъ два различныхъ понятія о времени: понятіе, образованное съ земной точки зрѣнія или такъ называемое эмпирическое, и понятіе, образованное съ точки зрѣнія вѣчности или философское. Я не думаю возвышать философское понятіе времени на счетъ эмпирическаго и тѣмъ болѣе совершенно отрицать послѣднее. О нѣтъ! Къ сожалѣнію, время,—наше привычное время,—слишкомъ нужно намъ: ибо земля дѣла требуютъ реальныхъ земныхъ дней, годовъ, столѣтій, а иногда даже и тысячелѣтій. Но я думаю, что было бы еще болѣею односторонностію просматривать за нашимъ привычнымъ временемъ болѣе глубокое понятіе о немъ, понятіе озаренное и осмысленное идеєю вѣчности.

И именно теперь, на рубежѣ двухъ столѣтій, и именно нашихъ столѣтій, XIX и XX, слѣдуетъ съ особою настойчивостію напоминать объ этой абсолютной мѣрѣ времени. Въ самомъ дѣлѣ теперь,—повторяемъ,—не безъ основанія жалуются на „чрезмѣрность исторіи“, которая, въ своей неустанной погонѣ за хронологическими и фактическими подробностями, такъ сказать, придвигаетъ къ рамкѣ и показываетъ во весь ростъ то, что часто рѣшительно того не заслуживаетъ, обходя вниманіемъ безмѣрно болѣе значительное и цѣнное. Съ другой стороны, люди пропитательные и духовно-дальнозоркіе не менѣе справедливо жалуются на то, что современный средній человѣкъ слишкомъ мелокъ и мелоченъ,—что ему хотѣлось-бы восхитаться только собою, выставять и восхвалять повсюду только себя. И это потому,

что, какъ-бы по чувству нѣкотораго самосохраненія, онъ инстинктивно отвращается отъ всѣхъ безднъ, напоминающихъ ему о его ничтожествѣ, отъ всего того, что его умаляетъ, что напоминаетъ ему о вѣчномъ, безконечномъ и совершенномъ. И вотъ почему,—именно влѣдствіе совокушнаго дѣйствія этихъ двухъ причинъ,—спокойная филозофская оцѣнка жизни, міровой исторіи, вообще времени съ точки зрѣнія вѣчности теперь такъ непопулярна: современный человѣкъ, особенно рядовой строитель жизни, кажется, совсѣмъ забыть о вѣчности и весь сполна хотѣлъ бы уйти во время и минуту.

Вотъ почему онъ такъ нервно торопится. Вотъ почему у него столько мелкихъ дѣлъ, для которыхъ ему никогда не достаетъ времени. И вотъ онъ постоянно спѣшитъ,—спѣшитъ „и жить, и дѣйствовать“. Какъ капризный и петербургскій ребенокъ онъ переходитъ отъ настроенія къ настроенію. Время, тайной измѣренія котораго онъ уже больше не владѣеть, истинная мѣра котораго имъ утрачена, для него идетъ то слишкомъ медленно, то, наоборотъ, слишкомъ быстро. Съ чисто дѣтскою наивностію онъ то лепечетъ: „о время, время, улетай скорѣй“; то наоборотъ: „о время, время подожди“,—

Помедли, ночь! Густою тьмою
 Покрой волшебный міръ любви!
 Ты, время, дряхлою рукою
 Свои часы останови!..

Но время не внемлетъ и, какъ бы на перекоръ капризнымъ желаніямъ человѣка, который, потерявъ истинную мѣру времени, чрезъ то самое потерялъ и власть надъ нимъ, сдѣлался изъ его творца и властелина подневольнымъ рабомъ,—мчится еще быстрее... И вотъ гдѣ, между прочимъ, одинъ изъ несомнѣнныхъ корней широко распространенныхъ въ современной жизни пессимистическихъ настроеній. Выходъ изъ нихъ, прямой и надежный, очевидно, только одинъ—освѣженіе въ душѣ, какъ міръ старой и въ тоже время вѣчно новой, мысли о томъ, что время измѣряется не числомъ лѣтъ, а совершенными въ эти лѣта дѣлами, ихъ значительностію и смысломъ, ихъ цѣнностію и отношеніемъ къ нашему дѣйствительному или, какъ говорятъ философы, высшему благу:

Жить не легко... Въ жизни вѣчно есть нѣчто грозящее,—
Между прошедшимъ и будущимъ наше сознаніе
Ловить лишь то, что бросаетъ намъ время летящее...
Счастливъ, кто ищетъ спасенія отъ золь и страданія
Въ лоиъ Того, кто во вѣки вѣковъ—Настоящее...

Алексѣй Введенскій.
